

Галина Солонова

Крылья любви

Рассказы

Галина Солонова

Крылья любви. Рассказы

«Издательские решения»

Солонова Г.

Крылья любви. Рассказы / Г. Солонова — «Издательские решения»,

Рассказы Галины Солоновой яркие, с глубоким смыслом. Их сюжет взят из жизни. Любовь и одухотворение, боль и сила, страх и отчаяние — всё пропущено через сердце автора, прочувствовано и пережито вместе с героями. Язык повествований выразителен, логичен, эмоционален, прост и доступен, отсюда лёгкость прочтения.

Содержание

Часть 1	6
Семейная история	7
Майское приключение	22
Исповедь	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Крылья любви
Рассказы
Галина Солонова

© Галина Солонова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Вот оно притягательное, глубокое слово – любовь! Сколько смыслового значения оно содержит в себе! Любовь между мужчиной и женщиной, между братьями и сёстрами, родительская, материнская любовь, любовь к профессии, любовь к делу, которым ты занимаешься, любовь к Родине...

Молод ты или стар, успешный в жизни или неудачник, богатый или бедный, но тебя непременно коснулось или коснётся это поистине святое и окрыляющее чувство. Пусть оно станет залогом счастливой жизни.

Семейная история

Тася Нилова жила в деревне. Её жизнь ничем не отличалась от жизни других деревенских девчонок, которые, оканчивая девятилетку, бежали из деревни кто куда.

В районном центре, где проживала у родственников, Тася после училища получила диплом повара четвёртого разряда. Замуж вышла за первого встретившегося парня, не потому что любила, а потому, что так было принято в их деревне: повстречалась с парнем – значит, надо выходить. Да и выбирать-то было не из кого: кавалеры не баловали её вниманием. Себя она считала некрасивой: невысока ростом, короткие полноватые ноги, большие, привыкшие с детства к физической работе руки, лицо усеяно веснушками, лишь карие глаза притягивали взгляд собеседника.

Иван, которого она встретила на своём выпускном вечере, также окончил училище, где получил профессию токаря. Жил он с родителями и двумя младшими братьями в небольшом частном доме на окраине рабочего посёлка. Так что Тася и Иван были рады комнатке в общежитии от завода, куда они поступили работать: она – в заводскую столовую, он – в инструментальный цех.

Прожили десять лет, нажили двоих детей – сына и дочку, получили трёхкомнатную квартиру. Казалось, что ещё надо? Некоторые Тасины подружки даже завидовали ей, но сама Тася чувствовала в душе какую-то пустоту, неудовлетворённость и безразличие к мужу. Когда Иван сообщил, что уходит к другой, она не почувствовала ни обиды, ни боли, восприняла это спокойно, без эмоций и продолжала жить по инерции.

В одну из пятниц, рано утром перед работой, родственники из района сообщили по телефону, что мать тяжело болеет. Наказав детям, двенадцатилетней Танюшке и десятилетнему Сашеньке, как себя вести, что есть, когда ложиться спать, да попросивши свою сменщицу выйти вместо себя на работу, Тася поспешила к матери.

Стоял сентябрь. Ждали бабьего лета, но уже почти неделю шёл мелкий противный дождь, сопровождаемый холодными порывами ветра. От шоссе на дороге Тася почти три километра шла в свою родную деревню по разбитому большаку мимо давно не паханного, заросшего бурьяном поля, одичавшего колхозного сада, брошенной фермы, покосившихся и опустевших в своём большинстве домов. Некогда большая деревня стремительно приходила в упадок.

Обдавая себя брызгами грязи при ходьбе, глядя на окружающую безрадостную картину, ей вспомнились строки стихотворения, которые она прочитала накануне в местной газете:

Что случилось с деревней? Она умирает.

Почему до неё никому нет и дела?

Так же старая мать сыновою отпускает.

Видно, что-то в их жизни она проглядела.

Не вернулись они, как уехали в город,

Завели себе семьи, по-другому живут.

Оборвались в деревне их вросшие корни.

Их обратно не тянет, сердца не зовут.

Тасе стало стыдно за причастность к этому запустению. Она поёжилась и тронула скрипучую дверь отчего дома.

Утро следующего дня выдалось на удивление сухим и солнечным.

– Мам, как ты себя чувствуешь? – спросила Тася, не вставая с постели.

– Слякотный день ушёл прочь, и мне, дочка, стало легче, – как можно бодрее ответила Мария Никитична.

Семидесятилетняя женщина, всю свою жизнь прожившая в деревне, работавшая в колхозе, вырастившая троих детей, теперь коротала свой век одна. Приезд дочери, конечно же, приободрил её.

Тася потянулась, встала с постели и ощутила лёгкость во всём теле. В душе она почувствовала какую-то беззаботность, как в далёкой юности. «Может быть, этот солнечный день принесёт мне счастье?», – мечтательно подумала молодая женщина, растапливая печку.

Минут через сорок в дверь постучали.

– Открыто, – ответила Тася.

На пороге стоял молодой человек. Тася изумилась: «Кто он? Откуда взялся такой красавец?» Белокурый, слегка волнистый чуб спадал на высокий лоб. Брови, как два нежных пёрышка, врзлёт. Прямой нос, упругие губы и волевой подбородок. Высокая подтянутая фигура. «Как герой мультфильма «Бременские музыканты», – думала женщина и, не стесняясь, в упор рассматривала раннего гостя.

– Ты кто? – справилась, наконец, с собой Тася.

– Я – сын тёти Нюры, соседки Вашей. Меня мать прислала спросить о самочувствии бабы Маши.

– Ты – тот Витёк, который подростком по деревне скакал галопом на колхозных лошадях?

– А Вы – тётя Тася?

– Да какая я тебе тётя. Всего-то на десять годков с небольшим хвостиком тебя старше, – глядя прямо в глаза, досадливо произнесла женщина. Она поиграла плечами, напрягая и без того высокую грудь, выше подняла голову. – Видишь, солнце встаёт играючи, бабье лето начинается. Вот и маме стало легче. А ты с тётей Нюрой приходи-ка на обед – я пирогов испеку...

– Придём, – просто ответил Виктор и шагнул за порог.

Сама ещё не зная почему, но настроение Тасино резко улучшилось. Энергия бурлила горячим ключом. С домашними делами она справлялась быстро: наводила порядок в доме, пекла пироги, варила щи, компот, тушила картошку, одновременно стирала и при этом громко напевала. Тася заставила мать надеть новую кофточку и юбку, что подарила ей к Восьмому марта.

– Да зачем, дочь? Какой праздник? – «Давно не было у неё такого настроения», – удивилась Мария Никитична.

– Да ведь гости придут. Не встречать же их в домашних халатах, – весело отвечала Тася, надевая чёрный трикотажный сарафан и тонкий бежевый свитерок, жалея о том, что не взяла с собой белую кружевную блузочку, которая очень освежает и молодит.

Едва Тася успела слегка припудриться и тронуть губы розовой помадой, как в дверь постучали.

– Проходите, проходите, – расплываясь в улыбке, пригласила соседей Мария Никитична. – Ей передалось весёлое настроение дочери. «Куда только хворь делась», – радовалась она.

– А мы с удовольствием. Приятно видеть тебя, Никитична, в полном здравии. Вот за это и пригубим по рюмашке, – заявила Анна Ивановна, ставя на стол бутылку вина.

– Садитесь, садитесь, всё готово, – суежилась молодая хозяйка, вынимая хрустальные рюмки из буфета.

Чтобы снять некоторое смущение Виктора, спросила:

– А, что за вино?

– Красное виноградное, – ответил Виктор, усаживаясь за стол.

Тася вся светилась. Её лицо преобразилось: оно казалось моложе, привлекательнее, глаза сияли, как два раскалённых уголёчка. Она выпрямила спину, подняла голову, и от этого казалась выше ростом. Тасе самой нравилось это ощущение. Никогда она не чувствовала себя так

легко, свободно и уверенно. «Что это с ней?» – изумлялась мать, время от времени поглядывая на дочь.

За столом говорили о житейском: о прошедшем лете, о предстоящей зиме, о вымирающей деревне.

– Вот Виктор и сорвался со сверхсрочной службы – внял моему одиночеству. А что тут в деревне меня караулить? Нужно определяться на работу, жизнь устраивать, – сокрушалась мать Виктора.

– Не волнуйся ты так, Ивановна. Вон он у тебя какой удалой да красивый. И работу найдёт, и жена сыщется, – успокаивала Никитична.

– Да какие они теперь девчата, поди, вертихвостки все. Самостоятельную да хозяйственную трудно найти, – продолжала Ивановна волноваться за сына. – Да и куда на работу? Сама знаешь: здесь делать нечего. В городе никаких родственников нет, чтобы первое время пожить.

– А зачем ехать в город? Давай, Виктор, к нам, в рабочий посёлок. И завод у нас хороший, и техникум при нём. Будешь работать и учиться. У меня трёхкомнатная квартира – поживёшь пока у меня, – предложила Тася.

Виктор, опустив голову, молчал, раздумывал над неожиданным предложением. Все ждали ответа.

– Что на это скажешь, сынок? – не выдержала Анна Ивановна.

– Если Вы, Таисия Сергеевна, действительно не против, – Виктор посмотрел Тасе прямо в глаза, немного помолчав, – то я согласен.

– Вот и ещё рюмашку поднимем за этот решившийся вопрос, – весело произнесла Никитична. – Наливай, Витёк!

2

Бросив в рюкзак пару рубашек да сменное бельё, Виктор был готов отправиться устраивать свою жизнь. Две одинокие старушки долго стояли на большаке, заросшем выгоревшей травой-муравой, а Тася и Виктор легко зашагали к шоссе-дороге.

Домой приехали к вечеру. Тася познакомила детей с Виктором, сказав, что дядя Витя – это бабушкин сосед и что он будет пока жить в их квартире.

Усадив за кухонный стол детей и Виктора, хозяйка шумно сетовала на тесноту:

– Что за проект дома, кто его придумал?! Трёхкомнатная квартира предполагает больше двух жильцов. А кухня всего шесть квадратных метров! Как тут помещаться?

– Мам, ты же всегда говорила, что в тесноте, да не в обиде, – вставил свою реплику сын Саша.

Виктор, допивая свой чай, внимательно посмотрел на Сашу, потом на Таню, которая явно смущалась.

– Танюш, Сашок, а я вам здорово помешаю своим присутствием?

Танюшка покраснела и промолчала, а более общительный Саша ответ выдал немедленно:

– Нет, дядь Вить. Нас, мужиков, теперь двое, а то тяжелоатом мне среди женского полу. Даже на футбол не с кем сходить!

Все расхохотались, кроме Танюшки.

– Идите спать, мужики! – нарочито громко сказала Тася. – Танюш, а ты помой, пожалуйста, посуду.

Слегка прихрамывая, Танюшка засуетилась вокруг стола. Может быть, эта незначительная хромота, которую она получила при рождении, заставляла девочку быть сдержанной, молчаливой и в семье, и в школе.

– Виктор, я постелю тебе в зале на диване.

– Спасибо, Таисия Сергеевна. Я у Вас в долгу.

– Ну, мы же договорились! Не делай из меня старуху! Мы с тобой на «ты», и зови меня по имени, будто я твоя старшая сестра. Хорошо? – заискрилась Тася улыбкой. И все её рыжинки на носу и щеках засияли, будто огонёчки.

– Хорошо, – уже без смущения ответил Виктор. И, глядя на Тасю, удивился тому, что лицо с конопушками может быть таким привлекательным.

На следующий день, в воскресенье, сразу после завтрака, все пошли на дачу, которая находилась в двадцати минутах ходьбы. Шли через золото-багряный лесок и молча наслаждались всплеском тепла и солнца бабьего лета. Жёлтые, рыжие ещё кое-где зелёные резные листья клёнов особенно завораживали взгляд. Озорной ветерок то и дело пускал на лицо тончайшую паутинку или сбрасывал на плечи отживший свой век жёлтый листок берёзы. Глядя на всю эту красоту, Тася почувствовала, как страстно ей хочется жить и любить, как сильно душа требует ласки.

– Красота-то какая! – восторженно произнесла она.

– Да, очень хорошо, – задумчиво ответил Виктор.

– Завтра я выхожу на работу во вторую смену, поэтому помогу тебе найти отдел кадров завода и техникум...

Прошёл месяц. Виктор устроился на работу. Повезло и с поступлением на учёбу...

Душа Таси была в смятении. Умом она осознавала, что Виктор ей совсем не пара, что воспринимать его нужно в лучшем случае в качестве младшего брата. Но сердце не слушалось. Тася то и дело ловила себя на мысли о том, что любит Виктором как мужчиной. Ей хочется гладить его белокурые волосы, глядеть в его голубые глаза. Она мечтала, чтобы он хотя бы невзначай обнял её. С удовольствием стирая одежду Виктора, Тася тайком прижимала к груди его рубашку и наслаждалась запахом молодого здорового тела.

У Таси появилось непреодолимое желание выглядеть лучше. Она обновила свой гардероб: в шифоньере появились новые платья, нижнее бельё стало более утончённым; приобрела новое осеннее пальто и сапоги; новый домашний халат голубого цвета выгодно освежал её лицо. Теперь она не позволяла себе выходить на улицу, не повертевшись перед зеркалом и основательно не приведя себя в порядок. Тася стала говорлива, часто смеялась по пустякам.

Детям нравилась лёгкая атмосфера в доме. Виктор и дети подружились. Они часто беседовали, обсуждая школьные дела, а Саше особенно нравились разговоры о футболе, хоккее.

Виктора привлекала такая семейная обстановка. Он с удовольствием помогал Тасе по хозяйству, общался с детьми, готовился к занятиям в техникуме.

Перемену Тасино настроения заметили на работе.

– Таис, ты часом не влюбилась? – неоднократно задавали ей вопрос.

– А если и так? – игриво отвечала она.

Однажды Тася задержалась на работе: праздновали день рождения одной из поварих – Тони Павленко. Раскрасневшаяся, то ли от выпитого шампанского, то ли от декабрьского морозца она, стараясь не шуметь, переступила порог квартиры. Плавающие стрелки электронных часов в прихожей показывали половину двенадцатого ночи. Сбросив с плеч свой мутоновый полушубок, приоткрыла дверь в детскую – дети крепко спали.

Дверь в зал была открыта. Едва дыша, на цыпочках Тася подошла к дивану, чтобы поправить сползшее на пол одеяло. Неожиданно Виктор открыл глаза, обеими руками обхватил плечи женщины, привлёк к себе, уткнувшись лицом в её пышную грудь. У Таси слегка помутилось сознание. Она не в силах сдержать порыв нежности, обхватила его голову, гладя волосы и целуя в макушку. Виктор легонько отстранил женщину, вскочил с дивана, легко поднял на руки и понёс к ней в спальню.

Жарки были поцелуи, объятия и ласки нерастраченной силы молодого мужчины и женщины, истосковавшейся по мужскому телу и не знавшей доселе страстной любви. С этой ночи Тася и Виктор стали близки.

Счастье, любовь и страсть переполняли женщину. Через месяц она почувствовала в себе перемены. Подождала ещё недельку и поняла, что беременна. «Сказать или не сказать Виктору? Что делать? Сказать, – решила Тася. – Пусть решает сам. Я ни на что не претендую».

– Ты что сегодня такая задумчивая? – спросил Виктор, укладываясь удобнее в постели и привлекая Тасю к себе.

Немного помолчав, будто обдумывая, как и что сказать, Тася наконец произнесла:

– Я, кажется, беременна... Ты не подумай, я не нарочно, – заторопилась она, – я ни на что не претендую.

Виктор улыбнулся, погладил Тасю по голове.

– Я рад, завтра понесём заявление в ЗАГС.

– Потом, когда-нибудь, как только пожелаешь, ты можешь быть свободным, – заговорила Тася. – А пока смотри только на меня, – она нежно поцеловала Виктора в глаза и, целуя в уголки губ, продолжила, – целуй только меня.

Виктор молча поцеловал Тасю в губы.

Узнав о намерении матери и Виктора пожениться, дети восприняли это известие по-разному. Саша одобрительно воскликнул: «Здорово!», Таня молча посмотрела на мать своими большими карими глазами, в которых были и недоумение, и незаданный вопрос.

Тасины коллеги по работе и соседи судачили по этому поводу, каждый «со своей колокольни». Одни осуждали, другие завидовали, третьи искренне радовались. А у Таси был для всех один ответ: «Сколько Бог отпустит мне счастья, столько я и буду им наслаждаться»...

В конце сентября у Таси и Виктора родилась дочь. Виктор назвал её Мариной. Он с радостью гулял с ней на улице, помогал девочку купать, не чурался никакой домашней работы.

Тася благодарила Бога за своё счастье и берегла его. Вся её жизнь была подчинена тому, чтобы всем в семье было комфортно. Особенно мужу...

3

Прошло десять безоблачных лет. За эти годы Виктор, окончив техникум, стал работать мастером инструментального цеха. Затем учился заочно в машиностроительном институте. После сдачи госэкзаменов ему предложили место начальника цеха – прежний ушёл на пенсию.

С дипломом продавца после кооперативного техникума, Танюшку приняли на работу в продовольственный магазин.

Саша, получив аттестат зрелости о среднем образовании, окончил автошколу и ушёл в армию.

Мариночка, длинноногая девочка-красавица, очень похожая внешностью на папу, училась успешно в школе.

Ну а Тася по-прежнему работала в заводской столовой, но уже поваром шестого разряда...

То осеннее утро не предвещало Тасе ничего плохого. Обед в столовой почти закончился. Тася получала в пищеблоке продукты на следующий день. Неожиданно прибежала Мария, которая работала на раздаче обедов.

– Таис, – заговорила она скороговоркой, – ты знаешь, что я сегодня на раздаче и первого, и второго одна. Устала – нет сил, не справляюсь, помоги.

– Сейчас, только халат и чепчик сменю, – ответила она уже убегающей Марии.

Подавая блюда заводчанам, Тася нет-нет, да и глянет в зал, где обедают посетители. И вдруг.. она увидела мужа. Он сидел за столиком на двоих в конце зала у стены. Рядом с ним была светловолосая девушка лет двадцати шести. Они весело о чём-то разговаривали и с аппетитом поглощали свой обед. Закончив его, Виктор подал девушке руку и помог выйти из-за стола. Направляясь к выходу, он пропустил её вперёд, легонько касаясь талии. Тася,

не глядя, как кладёт на тарелку второе, неотрывно смотрела им вслед. Сердце защемило, она едва не задохнулась от нехватки воздуха. «Это начало конца моего счастья», – горько подумала она.

– Иди, что-то ты очень бледная, – сказала Мария, – сама справлюсь.

С работы домой Тася медленно двигалась по липовой аллее, стараясь шуршать одиночными опавшими листьями, которые несколько отвлекали от тревожных мыслей. Она специально пошла по кружной дороге, чтобы попасть в сквер. Небольшой фонтан в центре сквера разбрасывал свои брызги, увлажняя вокруг серый асфальт. Женщина подошла поближе, подставляя своё лицо спасительной влаге и радуясь тому, что никто не заметит, где капли, а где её слёзы. Она оглянулась вокруг: та же красота бабьего лета, что и десять лет назад. Она вспомнила, как когда-то с Виктором и детьми впервые гуляла по этому скверу. Тогда было страстное желание наслаждаться жизнью. А вот теперь среди той же позолоты, охры и багрянца гнетёт её тяжёлая тревога...

Всё так же медленно зашла Тася в квартиру, бесцельно пошла по комнатам. На столе у Татьяны она увидела раскрытую книгу со стихами. Взяв её в руки, прочла:

О, мудрость щедрейшего бабьего лета,
С отрадой тебя принимаю...
И всё же, любовь моя, где ты, аукнемся, где ты?
А рощи безмолвны, а звёзды всё строже.
* * *

Вот видишь – проходит пора звездопада.
И, кажется, время навек разлучаться...
А я лишь теперь понимаю, как надо
Любить, и жалеть, и прощать, и прощаться.

– И я знаю, как надо любить, и жалеть, и прощать, и прощаться, – тихо прошептала Тася.

О том, что сердце болит и душа страдает, Тася вида старалась не подавать: всё так же оставалась заботлива, нежна, приветлива и весела. Марина в силу своего возраста ещё не могла разобраться в психологических тонкостях маминого настроения. Но Татьяна... Молчаливая Татьяна сразу почувствовала неладное. Случайно она увидела, как мать, затеявая стирку в ванной комнате, вытирала слёзы рубашкой мужа. Заметила Татьяна перемены и в Викторе: он стал менее словоохотлив, часто сидел задумавшись и не слышал вопросов дочери, задерживался после работы.

На работе Тася тайком выглядывала в обеденный зал и наблюдала за мужем, который теперь часто появлялся с той девушкой.

Тасины коллеги за много лет совместной работы стали очень дружны. Радость, горе они переживали всем коллективом:

– Что ты нюни распускаешь? Борись за мужа!
– Тась, ты же не Алла Пугачёва, чтобы самой бросать такого мужчину.
– Да, силы неравные. Хоть ты и «ягодка опять», да больно уж зрелая. Ей двадцать шесть, ему – тридцать три – возраст Христа. А значит, как говорят, всё по плечу.
– Любовь настигла твоего Виктора Петровича. А это штука серьёзная. Придётся другой его отдать.

– Да я же волнуюсь, куда он к ней пойдёт? В общежитие? – вытирая влажные глаза белоснежным фартуком, наконец, сказала своё слово Тася.

– Таисия, ты святая! Как же! В общежитие! Говорят, что ей, как молодому специалисту, директор завода однокомнатную квартиру выделяет...

Прошло ещё три месяца Тасиных пыток. В один из декабрьских вечеров, после ужина, когда дети ушли в свою комнату, а Тася мыла посуду, Виктор задержался на кухне. Спиной она почувствовала его взгляд.

– Тася, – сказал Виктор и запнулся.

«Вот «оно», – мелькнула мысль у женщины. Она повернулась к мужу, их взгляды встретились. Он покраснел, проглотил слюну, не в силах произнести больше ни слова.

– Не надо, Виктор. Я всё знаю. Она получила квартиру? – Виктор покивал молча головой и опустил глаза.

Тася вытерла кухонным полотенцем мокрые руки и спокойно произнесла:

– Пойду, соберу твои вещи.

Она аккуратно складывала его нижнее бельё, что поновее, рубашки, свитера в недавно купленную ею спортивную сумку. Виктор сидел тут же рядом на стуле у шифоньера, не зная, что говорить и что делать.

– Не дрейфь, – сказала Тася, подавая Виктору собранные вещи. – Детям я всё объясню сама. Спасибо за десять счастливых лет, которые ты мне подарил. Будь счастлив.

– Прости меня, пожалуйста, если сможешь...

Тася была сильной, ловкой, стремительной, смелой и красивой, пока был рядом любимый мужчина. Теперь же она жила будто во сне: никакого интереса к домашнему хозяйству; ей не хотелось больше смотреться в зеркало; если раньше её рыжинки светились, будто маленькие солнышки, то теперь кожа на лице просто потемнела. Таисия понимала, что нужно держаться, и на работе ещё как-то бодрилась. Но, придя домой, она ложилась на диван и тупо смотрела в потолок.

Татьяна взяла на себя все хлопоты по дому. Вместе с Мариной они выманивали её на кухню, чтобы накормить ужином. Мать молча глядела на дочерей и думала о своём: «Танюша, такая же непривлекательная и неуклюжая, как и я. Наверяд ли ей светит женское счастье: уж скоро двадцать два, а ни один парень не обратил на неё внимания. Да ещё эта хромота... Слава Богу, сердце у неё золотое.

Марина растёт красавицей: вся в папу и лицом, и стройной фигурой». Таисия задержала взгляд на младшей дочери и отвернулась: ей больно было смотреть на неё.

– Мам, Саша письмо прислал, – сказала Таня, стараясь хоть как-то отвлечь мать от грустных мыслей.

– Что пишет? – почти равнодушно спросила Тася.

– В конце мая приедет домой...

Все эти месяцы Тася жила в глубокой тоске. Беспокойство дочерей, осуждения девчат с работы несколько притупили душевную боль.

– Ходишь, как в воду опущенная. Не позорься перед людьми и детьми. Ты что, ребёнка потеряла, что так страдаешь? Мужик никогда не может быть преданным до конца! Такова их мужская природа. Лучше подумай, как будешь завтра сына встречать из армии. Танюшка твоя звонила, просила отпустить тебя с работы, – строго отчитала Таисию заведующая столовой Валентина Петровна.

«И в правду, стыд-то какой, – встrepенулась Тася, – ведь знала же всё наперёд».

4

Саша воспринял новость о том, что Виктор ушёл к другой, сдержанно, не проявил никаких отрицательных эмоций.

– Не расстраивайся, мать. Его дело молодое! Зато у нас есть вон какая красавица-сестра, а у тебя дочка! Вот-вот невестой станет: глаз да глаз нужен. Да и я скоро женюсь на Ольге

Севереной. Переписывались мы с ней, пока служил, ждала она меня. Внуков тебе нарожаем – некогда тебе будет скучать, – по-мужски рассуждал Саша.

Слушала Таисия сына и удивлялась его взрослости.

Уже через неделю Саша устроился на работу водителем в заводское автохозяйство. Ещё через две недели он привёл свою невесту домой и объявил о том, что они решили жить вместе в её квартире: год назад умерла мама после тяжёлой болезни, и одной Оле там очень одиноко.

– Свадьбу, мать, сыграем потом, когда на неё заработаем, – обнимая девушку, сообщил Саша.

– Оля, ты не возражаешь? – по-бабьи всплеснула руками Таисия.

– Нет, я счастлива, – расплываясь в улыбке, ответила девушка...

Через год у Саши с Олей родился Андрюшка. Хлопот у Таисии действительно прибавилось. Через полтора года после рождения сына Оля вышла на свою работу в центральную заводскую лабораторию. Малыша выхаживали всем семейством, распределяя своё рабочее и свободное время так, чтобы невестка могла работать. В выходные и праздничные дни бабушка Таисия часто оставалась с внуком, чтобы молодые могли поразвлечься: сходить на концерт во Дворец культуры или на дискотеку, встретиться с друзьями...

– Пусть погуляют, – говорила мать своим дочерям, – а то ведь до рождения Андрюшки и не успели побегать на танцульки...

Вот и сегодня, в одну из июньских суббот, Таисия, сидя на диване с внуком, наблюдала, как Саша с Олей собираются на дискотеку. Сын тщательно отгладил свою рубашку, взъерошил волосы, сдобрив их приятным гелем... Оля вертелась перед зеркалом: подчеркнула ресницы тушью, затем подкрасила свои пухлые губы розовым блеском, критично оглядела себя со всех сторон. Мать любовалась и радовалась, глядя на молодёжь.

– Андрюш, какие папа с мамой у тебя красивые, – не удержалась она от комплимента.

Оля и Саша, поцеловав по очереди сына и бабушку, убежали, стуча каблуками по ступенькам. Таисия с внуком подошла к окну. Она видела, как сын с невесткой, взявшись за руки, удалялись по асфальтированной дорожке вдоль дома. Таисия прослезилась, наверно, от радости за них. Неожиданно сын повернулся, увидев в окне второго этажа родных ему людей, помахал рукой. Сердце матери почему-то замерло на мгновение в тревоге. Она не знала, что Сашу видит живым в последний раз...

Тёплый июньский вечер и молодых, и пожилых выманил из душных квартир. Они прогуливались на площади у Дворца культуры, сидели на скамеечках в скверике. Звёзды на тёмно-синем небе, подмигивая друг другу, наблюдали эту людскую благодать.

Толпа молодых людей, разгорячённая танцами, минут пятнадцать назад вышедшая из Дворца культуры, стала рассеиваться. Оля с Сашей, попрощавшись со своими друзьями, направились вдоль сквера домой.

Неожиданно они увидели, как четверо незнакомых парней, став в круг, толкают молодого человека руками от одного к другому. Подойдя поближе, Саша узнал своего бывшего одноклассника Сергея, растерянное лицо которого высветил покачивающийся фонарь. Недолго думая, Саша бросился в этот злополучный круг хулиганов с криком:

– Не трогайте его! Отпустите!

– Ишь, смелый какой нашёлся! – огрызнулся один из незнакомцев, намереваясь проделывать ту же «игру» и с Сашей.

Оля, стоявшая чуть поодаль, испугавшись за мужа, что есть силы, закричала:

– Помогите! Полиция!

Молодёжь, ещё не успевшая уйти домой, двинулась на крик. Кто-то уже повторял:

– Зовите милицию!

Четверо хулиганов, сгруппировавшись, быстро исчезли в темноту.

– Всё в порядке. Инцидент исчерпан, – сказал громко Саша. – Убежали нападавшие. Кажется, это были не наши, не поселковые.

– Спасибо тебе, друг, – подал Сергей руку Саше на прощанье.

– Идём скорее, Саша. Мать, небось, уже заждалась, – торопила Оля.

– А ты у меня молодец, не растерялась.

Обняв друг друга за талию, молодые супруги заторопились домой. Улицы опустели, ночная тишина окутала всё вокруг. Лишь Олины каблучки, ударяясь о твёрдый асфальт, нарушали покой. Пять – семь минут ходьбы – вот и дом. Только зашли за угол, уже знакомый хриплый мужской голос требовательно произнёс:

– Стой. – Как из-под земли выросли двое сзади, двое впереди. – Тебе больше всех надо? Получай!

Оля увидела блеск чужих сумасшедших глаз и услышала глухой удар в Сашину грудь. Она почувствовала, как тело мужа медленно сползает вниз. Не в силах удержать его, Оля вместе с Сашей опустилась на землю. Она машинально положила свою ладонь на место удара и почувствовала что-то липкое и тёплое. Оля быстро поднесла руку к глазам, тупо взглянула на свои окровавленные пальцы, прислушиваясь к удаляющемуся топоту мужских ног. Обхватив Сашину голову руками, осыпая его лицо нежными поцелуями, она тихо шептала:

– Саша, Саша, вставай. – Наконец, до её сознания дошло, что произошло... – Саша!.. Любимый!.. Вставай!

Олин крик взорвал ночную тишину. В окнах некоторых квартир дома появился электрический свет. А Оля, держа голову своего любимого, покачивала её, будто баюкала малого ребёнка. Ей показалось: прозрачное лёгкое облачко покружило над Сашинной головой, потом медленно стало подниматься в небесную высь, а затем покатило по Млечному пути...

Траур поселился в Тасиной семье. Смерть сына надолго приковала мать с инфарктом к больничной койке.

5

После смерти мужа Оля сильно изменилась. Некогда озорная и весёлая, она часто тихонько плакала вечерами. Андрюшка взбирался ей на колени, обнимал за шею, целовал в щёки, картавя, приговаривал: «Не пачь, мама, не пачь»...

Прошло больше двух лет без Саши, а Оля всё носила чёрный траурный бант в своей причёске. Всё своё свободное время она с сыном проводила у свекрови.

– Оля, ты молода и красива: не хорони себя в четырёх стенах, общайся с молодыми людьми. Андрюшке нужен отец, а то наш бабий монастырь воспитает из мальчика девочку, – так говорила свекровь своей невестке, глядя в её серые печальные глаза...

Накануне Нового года Оля случайно встретила свою подругу детства, с которой училась в школе в начальных классах.

– Слышала я твою историю, – сказала Светлана, пряча дрожащие руки в карманах модного полушубка. – От жизни надо брать всё, подруга. Встречать Новый год мы будем всей нашей компанией. Приглашаю тебя. Придёшь?

– Не знаю, – вздохнула Оля.

– Приходи. У нас всегда бывает весело. Я позвоню...

Дом в частном секторе, куда привела Светлана Ольгу встречать Новый год, находился на окраине посёлка. Стол уже был накрыт, за ним сидели парни и девушки – всего около десяти человек. Лица знакомые, но несколько забытые, и вовсе незнакомые.

– Вот, моя подруга, – громко представила Светлана оробевшую Ольгу. – Владлен, подвинься.

Светлана усадила Ольгу между собой и этим здоровяком Владленом, который очень заинтересованно посмотрел на свою соседку.

Веселье за столом шло чинно и благородно: поздравляли, произносили тосты, чокались хрустальными рюмками, пили за уходящий год, наступающий, танцевали, играли в «бутылочку». Пришлось и Оле принять безобидный поцелуй в щёку от Владлена – крутящееся горлышко бутылки из-под шампанского, которую он «запустил», остановилось прямо напротив неё...

Так прошло около двух часов. Опять сели за стол: то Светлана, то Владлен всё что-то подливали ей в рюмку, якобы для дегустации различных напитков. Через некоторое время Оля почувствовала себя скверно и решила скорее уйти домой. Она встала, но ноги подкосились, её едва успел подхватить Владлен и унёс в спальню на кровать.

– А не пора ли нам по-настоящему кайфануть? – услышала Оля чей-то мужской голос как будто издалека, и сознание тотчас куда-то провалилось...

Сколько времени Оля провела в забытьи, она не знала. Очнувшись, пошевелилась, хотела подняться с постели, но тут же услышала прежний голос:

– Ишь, не спит девочка. Владлен, посади её на маленькую – пусть будет такой, как мы все, раз явилась сюда.

Здоровяк отогнул рукав Олиной кофточки. Её сопротивление было бесполезным: кто-то тяжёлый навалился на неё, противно сопя. Она почувствовала боль от укола на сгибе руки. Веки ещё больше отяжелели, она опять впала в забытьё...

Открыв глаза, Оля сразу не поняла, где она находится. Голова разрывалась от боли. Она с трудом привсталала, опираясь на руки, оглянулась вокруг. Владлен храпел рядом. У кровати на полу, опершись о стену спиной, сидела парочка, блаженно улыбаясь во сне.

Оля вспомнила окончание праздника. Ужас охватил её: «Скорее вон отсюда». Стараясь двигаться бесшумно, она пробралась в прихожую. Мельком взглянула на настенные часы – стрелки показывали четыре.

Схватив свою шубку, Оля натянула её кое-как уже на улице. Ни прохожих, ни фонарей, лишь звёзды мерцают в вышине. В шубе нараспашку, с непокрытой головой она пыталась бежать. Ноги не слушались. Девушка падала, немного отдохнув, вновь вставала. «Домой, домой, спеши», – шептал ей зимний ночной ветерок, поднимая с земли вчерашнюю метель. Морозец крепчал. Ресницы, брови, волосы у лба покрылись инеем, руки в ссадинах при падении покраснели и замёрзли. До угла своего дома она буквально доползла.

Это место после смерти Саши Оля два года обходила стороной. Теперь она кулем свалилась именно здесь. «Немного отдохну, чтобы хватило сил добраться до своего подъезда», – решила Оля и закрыла глаза. До мельчайших подробностей вспомнился тот июньский вечер. Слёзы невольно потекли по лицу. «Надо встать!» – пронеслась мысль как вихрь. Она открыла глаза и засмотрелась на зимнюю звёздную даль. «Звёзды как тем летом, только сияют холодным ледяным блеском», – подумала Оля. Она не могла оторвать глаз от манящей бесконечности. И ей уже не хотелось ни вставать, ни двигаться. Сознание угасало. Млечный путь манил её. А там, в конце него, она увидела Сашу, который бежал ей навстречу...

Утром первого января ранние прохожие увидели красивую девушку, неподвижно лежавшую с широко открытыми серыми глазами и двумя дорожками замёрзших слёз на лице.

6

Олина смерть вконец подорвала здоровье Таисии. Она опять слегла. Смотрела Татьяна на мать своими печальными карими глазами и страдала, втихомолку утирая слёзы. Как-то ночью она проснулась от тихого стога матери. Вызвала скорую, на которой и увезли женщину в больницу. Утром Татьяне сообщили, что мать умерла от обширного инфаркта...

Заботы о похоронах взяла на себя заводская столовая. Проститься с бывшей женой пришёл Виктор. Он подошёл к Марине, сидевшей у гроба на табурете, обнял её и прошептал в самое ухо: «Прости меня, дочка». Затем он приблизился к гробу и положил свою тяжёлую ладонь на кисти рук покойной, укрытой тюлевым покрывалом. Виктор закрыл глаза, и Татьяна, стоявшая рядом, заметила, как судорожно сжались его пальцы – он прощался.

Татьяна, молчаливая и тихая Таня, через неделю после похорон матери своей походкой уточки направилась в орган опеки и попечительства. Она оформила опекунство над трёхлетним Андрюшкой и всю свою женскую нерастраченную любовь и заботу отдала своему племяннику, который стал её называть мамой...

Но на этом история семьи Таисии ещё не закончилась.

7

После того, как ушёл из семьи отец, душевная жизнь Марины резко изменилась. Она чувствовала себя заброшенной и никому не нужной. Отец хоть и приходил иногда к ней в школу после уроков, интересовался её успехами, но девочка чувствовала, что он уже чужой, что он уже живёт жизнью других, дорогих ему людей.

Мать, погрузившись в свои переживания, не могла дать дочери столько душевного тепла, сколько требовалось. Татьяна, постоянно находившаяся рядом с сестрой, в силу неопытности не смогла найти тропинку к сердцу девочки. Череда потерь близких людей вконец надломил неустойчивую психику Марины.

Ей так хотелось иметь рядом родного, только ей принадлежащего человека. Вероятно, по этой причине, едва окончив школу, она выскочила замуж за первого попавшегося парня, с которым познакомилась в одиннадцатом классе на школьной дискотеке

Сестра Таня не возражала:

– Расписывайтесь. У тебя, Марина, есть своя комната – живите здесь.

Виталий был на шесть лет старше Марины. Высокий красавец с голубыми, как ясное небо глазами, под стать юной красавице Марине. Девушка получила от Виталия любовь, заботу, внимание, долгожданное душевное тепло. Очень скоро родилась дочка Ксюша с такими же ясными голубыми, как у папы, глазами.

Всё было хорошо. Только вот постоянно не хватало денег: работал Виталий в жилкомхозе слесарем за небольшую зарплату. Родителей своих он не знал, воспитывался в детском доме, помочь молодым было некому. А ему очень хотелось, чтобы жена и дочь ни в чём не нуждались...

Однажды один из знакомых предложил Виталию подзаработать. Он обрадовался и с радостью согласился.

– А в чём состоит работа и когда приступать? – поинтересовался Виталий с нетерпением.

– Да пустяки. Нужно забрать сумку с товаром и привезти ко мне в магазин. Сам я с этим своим бизнесом ничего не успеваю.

В электропоезде к ничего не подозревавшему Виталию подошли работники наркоконтроля... Мужа Марины осудили на пять лет.

Марина была растеряна, подавлена. Быстро нашлись «подруги-утешительницы». Им нравилась квартира, где жила Марина. Как вороны слетались они в те дни, когда у Марины появлялись деньги, которые получала она в качестве детского пособия. Прокутив их за два-три дня, они на какое-то время оставляли подругу в покое.

Влиять на сестру и бороться с её подругами у Татьяны уже не было сил. Она закрыла свою комнату на ключ, рассчиталась с работы и уехала с Андрюшкой в деревню к своему родному отцу, который к этому времени остался один и нуждался в уходе. Татьяна рассчитывала, что, лишив Марину материальной поддержки, она станет разумнее. Таня ошиблась.

Однажды, когда Ксюше было уже два года, в квартире появился некий Павел. Он сказал Марине, что срок отбывал там же, где и Виталий, и что последний просил помочь жене. Правдой это было или нет, Марина по совету подруг не задумывалась. Павел остался в квартире с Мариной в качестве гражданского мужа. От той «помощи» у Марины появился сын Олежка.

Павел то работал, то не работал, часто куда-то исчезал на неопределённое время. Денег по-прежнему не хватало на достойную жизнь. Однажды в квартиру пришла милиция и забрала сожителя.

Марине было безразлично. Она не выясняла, за что и почему Павел получил новый срок. Самыми близкими людьми для неё были по-прежнему подруги, которые продолжали своё чёрное дело.

Материнство Марину тяготило. Четырёхлетняя Ксюша целыми днями одна копалась во дворе в песочнице. Из детского сада мама её отключила: платить было нечем.

– Ксюша, ты почему одна? – спрашивали сердобольные мамочки и бабушки, которые выводили своих чад на прогулку.

– А маме некогда. Она с маленьким братиком, – отвечала девочка, сильно картавя.

– А ты сегодня кушала?

– Ещё нет.

– Почему?

– Мама ещё не успела приготовить.

– А что же мама готовит?

– Макароны с сосиской, – отвечала девочка, шмыгая грязным сопливым носиком.

«Макароны с сосиской» – таков был ежедневный Ксюшин ответ. Собравшиеся мамочки и бабушки качали головами. Лучшее, что они могли сделать для этого заброшенного ребёнка – это покормить его. Жадно брала Ксюша грязными ручонками угощение: то бутерброд, то булочку, то какой-нибудь фрукт – и тут же всё съедала.

Однажды вечером, улучив момент, собравшиеся соседи зашли к Марине в квартиру и отчитали её за безобразное отношение к детям, за связь с ненужными «подругами», за недостойный образ жизни и пригрозили похлопотать о лишении её родительских прав.

Визит соседей, наверное, отрезвил Марину. Она почти всю ночь не спала, переживала. Вспомнив всю свою жизнь после школы, Марина впервые опомнилась. «Что сделала я с собой! А ведь хорошо училась, могла бы поступить в институт! И на внешность не уродина. А теперь? Кто я теперь?» – ужаснулась она, закрывая зелёные глаза длинными пушистыми ресницами.

Июньское утро сияло золотом солнечных лучей, голубизной бездонного неба и дарило тепло. Марина проснулась от дразнящего солнечного зайчика, который то и дело прыгал по лицу. Встала и подошла к окну. «Какая красота! – восторгалась она. – А я все эти годы не замечала всего этого великолепия, не способна была любоваться этим... Прочь, прочь от меня всякая нечисть! Я всё исправлю! Всё преодолею!» – радовалась Марина своим мыслям.

Она подошла к кровати сына, поправила сбившееся одеяльце, поцеловала Ксюшу, смешно потиравшую кулачками глаза, оглядела комнату. «Немедленно наведу чистоту и порядок!» – решила Марина и побежала за веником, тряпкой и ведром...

Наконец, комната, кухня, прихожая сияли чистотой, дети умыты и накормлены. «Оказывается, как это просто, но очень приятно, – думала Марина, – и никто, кроме детей, мне не нужен: ни мужа, ни подруги»...

Июнь вместе с теплом принёс обильные грозовые дожди. После обеда небо стало хмуриться. Уложив детей в кровати для послеобеденного сна, Марина вздрогнула от неожиданного звонка в дверь. «Не открою», – решила она. Постояв немного у входной двери, она услышала требовательный стук в дверь. «Кто же это? Может быть, Татьяна?» – встревожилась Марина и повернула ключ.

На пороге стоял молодой мужчина лет двадцати восьми. Он молча подал записку. Вся его кисть руки синела от наколок. Марина дрожащими пальцами развернула клочок бумажки. Корявым подчерком было написано: «Мариш, прими Русланчика – он тебе поможет. Твой Павлик».

Будто кипятком ошпарили девушку. Она едва удержалась на ногах.

– Проходи, – тупо произнесла Марина и прошла сама на кухню.

В висках стучало, сердце билось, как у трусливого зайца. «Быстрее на свежий воздух!» – думала она, но ноги не слушались. Наконец Марина вошла в комнату, где Руслан уже сидел на диване и озирался вокруг. Дети спали.

– Я в магазин, – тихо произнесла Марина и вышла, закрыв дверь на ключ.

Небо затянуло тучами. Пошёл дождь, сначала мелкий, потом стал откровенно лить всё сильнее и сильнее. Девушка не замечала его: она всё думала, думала. Мысли скакали, перебивая друг друга.

Марина брела по лужам, не обходя их, не стараясь ступать, где посуше. Босоножки давно уже промокли. Она сняла их и отбросила в сторону: «К чему они мне теперь, коль приняла решение? Я всё равно сделаю это».

Дождь с неистовой силой обрушился на землю, словно все собравшиеся вместе тучи опрокинули воды свои из глубинных недр. Всё сопровождалось яростными раскатами грома и сверканием молний. Огненные змейки плясали по небу то тут, то там. Марина вспомнила, как мать ей рассказывала сказку о царе небес, который громыхал на своей колеснице, пуская огненные стрелы на грешную землю. «Почему он не пустит в меня свою стрелу? Ведь я грешница, большая грешница!» – думала Марина, рассматривая пузыри на лужах, что образуются от падения дождевых капель. «Этот дождь надолго. Видишь, какие пузыри», – вспомнились слова матери, когда она ещё девочкой вместе с ней попала случайно в такой же ливень. – «Бедная моя мамочка, Саша, Оля! Я скоро буду с вами! – перебирала мысли Марина, не вытирая слёз. – Зачем их вытирать, если я и сама не разберу, где слёзы, а где дождевая вода».

Она шла, не торопясь, вдоль пятиэтажного дома по асфальтированной дорожке, залитой дождевой водой. Её белокурые длинные волосы свисали с намокшей головы. Тонкое платье прилипло к телу так, что девушка казалась прекрасным изваянием скульптора, который долго трудился, создавая свой шедевр.

Кто-то, живущий на первом этаже, громко постучал в дребезжащее стекло окна. Она вздрогнула, повернула голову и увидела изумлённые глаза мужчины. «Кто он? И что ему нужно?» – не переставая всё так же медленно двигаться, думала Марина. А дождь всё лил, будто смывая с молодой женщины все грехи и изгоняя мрачные мысли...

Марина тихонько зашла в квартиру и проскользнула в ванную комнату, чтобы надеть сухой халат.

Дети, услышав мамины шаги, выбежали из комнаты, приговаривая: «Мама пришла, мама пришла». Обхватив её ручонками, они уткнулись ей в подол халата. Взяв Олежку и Ксюшу за руки, Марина повела их на кухню. Разогрела остатки обеда, накормила детей.

– Может мне помочь тебе чем? – спросил вышедший из комнаты Руслан, стоя в проёме кухонной двери.

– Нет, – коротко ответила Марина. Немного помолчав, добавила, – спать будешь в маминной спальне. Не трогай меня сегодня.

Усевшись в своей комнате на диван, она усадила детей по обе стороны от себя. Марина гладила им головки, расчёсывала волосы, целовала, а сама беззвучно плакала. Дети своими ладошками вытирали по очереди её слёзы.

Взглянув на часы, она перестелила детям постельки, любовно разглаживая каждую морщинку на простынях и наволочках. Уложив детей спать, вышла на балкон, сняла с кронштейна

бельевую верёвку. Проходя мимо спальни матери, остановилась, прислушалась. «Храпит – значит, спит», – подумала Марина о роковом госте и на цыпочках вернулась в комнату.

Она аккуратно выдвинула ящик стола, достала школьную тетрадь в клеточку и шариковую ручку. Немного подумав, написала: «Танечка! Прости меня, пожалуйста! Жить, как прежде, я больше не могу, а жить по-другому они мне не дадут». Марина вырвала листок из тетради, положила его назад в стол. Она подняла журнальный столик и поставила под люстру. Встав на него, накинула на светильник принесенную с балкона верёвку и сделала петлю. Подвески светильника зазвенели. Ксюшка открыла глаза и приподнялась в кровати.

– Спи, дочка. Ложись на бочок, закрывай глазки и спи. Я пыль на люстре протираю, – Это были последние слова несчастной красавицы-Марины...

В три часа ночи в отделении милиции раздался звонок. Мужской голос сообщил:

– Повесилась молодая женщина. Поторопитесь: в квартире двое маленьких детей. Сообщаю адрес...

8

Окончание этой трагической семейной истории я узнала только спустя два года, когда опять вернулась в посёлок.

С внучкой-первоклассницей в выходной день мы отправились на прогулку в сквер: грех было пропускать последние денёчки бабьего лета. Настенька сразу же шагнула на травяной ковёр, где росли липы, берёзы и клёны. Деревья щедро усыпали свои подножия листвой, которая радовала глаза и душу.

– Бабушка, смотри, какая красота, – восторгалась внучка, показывая мне то один, то другой подобранный листочек.

– И у меня тоже красивые, – с гордостью произнёс мальчуган лет пяти, показывая мне свои зажатые в кулачке листья.

– Отличный букетик, – похвалила я. А как тебя зовут?

– Олежка я.

Не видя рядом никого из взрослых, поинтересовалась:

– А с кем ты сюда пришёл?

– С мамой и папой. Они на скамейке сидят. А там мой братик Андрей и сестричка Ксюша, – махнул он рукой в сторону мальчишки десяти и девчущки лет семи, собиравших поодаль дары осенней природы.

Лица Олежкиных папы и мамы мне показались знакомыми. Решила подойти поближе. К моему большому удивлению я узнала Татьяну и Виталия – отца Ксюши. Увидев меня, Татьяна встала и пошла мне навстречу.

– С возвращением Вас, Антонина Петровна.

– Рада тебя видеть, Танюша, – ответила я своей бывшей ученице.

Мы стояли друг против друга и молча улыбались. Видимо, в моих глазах Татьяна прочитала много вопросов.

– У меня всё хорошо, Антонина Петровна. Виталий – теперь мой муж. У нас трое детей. (Я многозначительно взглянула на её округлившийся животик). – Скоро будет четвёртый.

– Я всегда знала, Танечка, что ты – человек большой души, чуткого доброго сердца. Береги свою семью. Будьте здоровы и счастливы...

Подожёл Виталий, заботливо взял жену под руку. Подбежали дети, наперебой хвалясь родителям своими букетами осенних листьев. Всея семьёй они дружно зашагали по аллее сквера, а за ними, перегоняя друг друга, летели две осенние паутинки. Я ещё долго смотрела им вслед и радовалась. На ум откуда-то пришли стихи:

Сжалься, осень, дай нам света!

Защити от зимней тьмы!
Пожалей нас, бабье лето:
Паутинки эти – мы.

Майское приключение

Анна Васильевна и Николай Павлович жили в небольшом рабочем посёлке. Вся их жизнь была связана с малой родиной: здесь они родились, здесь учились в школе, оба окончили техникум, который готовил рабочие кадры для местного химического завода.

Когда-то, в шестидесятые годы, завод со статусом предприятия всесоюзного значения процветал. Благодаря его работе стремительно развивался и посёлок, который у жителей других районов с завистью назывался не иначе, как «золотое дно».

И в правду сказать, не бедствовали обитатели посёлка, работавшие на местном заводе: зарабатывали хорошо, получали квартиры, строили добротные дома, дачи, растили детей...

Вот и Анна Васильевна с Николаем Павловичем, поживившись, вскоре получили однокомнатную квартиру, а родивши двоих детей, построили собственный дом, обзавелись хозяйством.

Культурная, общественная жизнь посёлка тоже была на уровне: Дом Спорта с многочисленными секциями, стадион, бассейн, музыкальная школа, Дворец Культуры, сцена которого видела не только самодеятельных артистов, но и знаменитостей: таких как Э. Хиль, О. Воронец, М. Кристаллинская, Л. Зыкина, И. Кобзон, и тогда совсем молодых В. Толкунову с С. Захаровым. Концерты зачастую были бесплатными для зрителей – завод оплачивал. Вот время-то было! Попробуй, замани теперь на провинциальную сцену какую-нибудь знаменитость! Теперь они всё по корпоративам, да за границу норовят!

Не было в посёлке только драматического театра. Правда, изредка приезжали актёры из области со своими постановками. Но в настоящем театре Анна Васильевна так за свои сорок пять лет и не побывала.

Наступили времена «перестройки» – всеобщая эйфория охватила всю страну, потом недоумение, вслед разочарование и, наконец, простой человек оказался озабочен мыслью «как бы выжить?»...

Шёл тысяча девятьсот девяносто третий год. Родной завод Николая Павловича приходил в упадок – выпускаемая продукция стране оказалась не нужна. Пришлось перейти на работу мастером инструментального цеха на автозавод, до которого надо было ехать минут тридцать на электропоезде. Хороший специалист всегда в цене, вот и поощрили Николая Павловича к Первомайским праздникам двумя билетами на спектакль.

– Нюра, на спектакль поедем? Мне дали на работе бесплатно два билета, – сказал Николай Павлович жене за ужином, уплетая за обе щеки красный борщ. – Ох, и любит он стряпню своей жены! Казалось бы из ничего, но так вкусно.

– А где будет проходить спектакль? – спросила Нюра, подавая мужу ароматную тушёную фасоль.

– Как где? Конечно же, в областном драматическом театре, – уверенно ответил Николай. – Второго мая в восемнадцать ноль-ноль... Поедем, хоть в настоящем театре побудем!

– Ой, Николай, не знаю, не знаю. А кто поросёнка и кур вечером накормит? А корову кто загонит да подоит? Да и картошку мы с тобой второго мая собирались сажать, – сокрушённо вздыхала Нюра.

– Не волнуйся, до обеда будем сажать картошку. А за живностью приглядеть попросим Ивановну, соседку. Ведь ты же ухаживала за её хозяйством целых три дня, когда она к сыну ездила, – убеждал Николай жену.

– А как и чем доберёмся до театра? – с тревогой в голосе выпрашивала она.

– Да я всё уже продумал. – Поедем, – настаивал Николай.

– Ой, не знаю, не знаю, – повторила Нюра. – Третьего числа тебе ехать на работу в шесть утра, и мне бежать к семи. – Ох, не знаю, – вздохнула она.

Между тем сама Нюра уже думала, что надеть из зависевшихся в шифоньере нарядов... «Костюмчик с белой юбкой и жакетиком в василёк? Да к нему и бусы голубые подойдут, что ещё на двадцатипятилетие подарил мне папа. – Бережно она их хранила в резной деревянной шкатулочке все эти годы и надевала всего лишь два раза. – Ах, папа-папа, – вспомнила она с благодарностью отца, которого уже нет десять лет, и глаза её наполнились влагой... – Или сиреневое платье? – продолжала рассуждать Нюра, глядя, как муж ест с аппетитом второе в прикуску с солёным огурцом. – Хоть оно мне и идёт, но не надевала я его уже лет пять... – А надену-ка я чёрную юбку-карандаш да белую атласную блузку. Нитка белого речного жемчуга есть – подарил когда-то Николай на восьмое Марта; туфли замшевые чёрные я себе в прошлом году выиграла по лотерее, которую устраивали на заводе в связи с дефицитом товаров в магазине; в руки возьму сумочку того же цвета, что оставила мне осенью дочь, когда приезжала в отпуск. Будет и прилично, и нарядно», – рассудила, наконец, Нюра...

– Решено! Поедем! – твёрдо произнесла она, глядя на мужа, который допивал компот из сухофруктов. – Дай Бог, чтобы в этом году был такой же богатый урожай в саду, как и в прошлом», – подумала женщина...

Электропоезд был полон. Люди возвращались из гостей и с дач, молодёжь с гитарами и опустевшими рюкзаками – из лесу.

Николай с Нюрой сели у окна друг напротив друга. Николай невольно залюбовался женой: пышные тёмные волосы, аккуратно заложенные в причёску «улитка»; на висках пробившаяся седина ещё больше украшала едва тронувшее весенним загаром лицо; прямой носик; достаточно пухлые губы, слегка подкрашенные помадой цвета вишня и открытые глаза. Белый атлас кофточки ещё больше подчёркивал красоту женщины. «Как я люблю эти карие глаза и этот выбившийся из причёски непослушный завиток волос, – думал Николай, глядя с любовью на жену. – Только вот усталость всё-таки заметна на её лице. Ну, ничего, приедем в театр – посидит, отдохнёт», – успокоил он себя.

Не успел Николай налюбоваться на жену, как объявили их остановку.

Счастливо улыбнувшись друг другу, мужчина и женщина направились к выходу. Боясь зацепиться каблуком за ступеньку лестницы, по которой они поднялись на мост над железнодорожными путями, Нюра и Николай взяли за руки и чуть ли не вприпрыжку, как когда-то в двадцать лет, заторопились к троллейбусу...

Вот и театр... Трепетное чувство охватило душу. Театральные колонны, тяжёлая дубовая дверь, просторное фойе, где одни сдавали верхнюю одежду в гардероб, другие – в основном это были женщины – задерживались у зеркала, а мужчины терпеливо их поджидали.

Прозвенел первый звонок – публика неторопливо направилась в зал. Не взглянув на указатель, Нюра и Николай зашли в зрительный зал слева. Убедившись, что там начинается отсчёт мест, они поспешили ко входу с противоположной стороны.

– Шестой ряд, – говорил Николай вслух, не выпуская из своей руки ладонь жены, – тридцать шестое и тридцать седьмое место.

Всматриваясь в номера кресел, он вдруг обнаружил, что в ряду мест всего двадцать четыре. Нюра недоумённо взглянула на мужа. Лоб Николая покрылся испариной. Он оглянулся, должны же быть рядом коллеги по работе, но вокруг – ни одного знакомого лица. Прозвучал второй звонок. Лёгкий гул человеческих голосов, как жужжание пчёл у улья перед заходом солнца, ошеломил Нюру.

Видя замешательство стоящих на проходе мужчины и женщины, которые всматривались то в билеты, то в номера кресел, подошла дежурная по залу.

– Вам помочь? – спросила она приветливо.

– Вы знаете, у нас шестой ряд, а тридцать шестого и тридцать седьмого места здесь нет, – обескураженно сказал Николай, подавая билеты.

– Действительно, у нас в каждом ряду только двадцать четыре места, – ответила дежурная. – А где вы купили билеты?

– Мне их дали на работе в качестве премии, – вконец смутившись, ответил Николай.

– Ну, раз в качестве премии, – добродушно улыбнулась дежурная, – садитесь вот сюда, – указала она на седьмой ряд, – на двадцать третье и двадцать четвёртое место: сегодня они свободны.

Вздыхнув с облегчением, Нюра опустилась в кресло, ощутив его мягкий бархат. Она легонько погладила рукой краешек сиденья. Прозвенел третий звонок. Струющийся свет огромной люстры постепенно угасал. Людской гул затих, воцарилась звенящая тишина. Тяжёлый занавес тёмно-вишнёвого цвета, который поразил Нюру своим величием и красотой, двинулся, открывая сцену. Представление началось.

Минут через десять Нюра шепнула мужу в самое ухо:

– Содержание пьесы не соответствует названию почему-то.

– Наверно, заменили спектакль по каким-то нам неизвестным причинам, – едва слышно ответил Николай.

Нюра изо всех сил пыталась вслушиваться, всматриваться в то, что происходит на сцене. Но её внимание постоянно рассеивалось, она едва сдерживалась, чтобы не закрыть глаза. Спасли аплодисменты, которые оповестили об антракте. Нюра с Николаем вышли из зрительного зала.

Поднимаясь по широкой лестнице на второй этаж, Нюра увидела мужчину и женщину, шедших им навстречу. «Надо же, одета точно так же, как и я, – отметила она про себя. – Обе пары приближались друг к другу. – Хм, дама даже похожа на меня». Николай вёл жену по локоток. На площадке, у большого зеркала, он остановился на несколько секунд, чтобы полюбоваться своим с Нюриным отражением. Нюру на мгновение качнуло.

– Что с тобой? – испуганно спросил Николай.

– Господи, это же зеркало, – только и ответила женщина.

Галерея портретов, висевших в просторном зале второго этажа, впечатлила Нюру своей многочисленностью. Она вглядывалась в каждую фотографию и думала: «А смогла бы я быть артисткой?» Ей вдруг ощутимо больно стало оттого, что она всего лишь контролёр ОТК приходящего в упадок завода...

– Нюра, что тебе взять? Кофе или чай с пирожным? – становясь в очередь в буфете, спросил Николай.

– Возьми горячего чаю.

Чай с запахом бергамота подействовал на Нюру расслабляюще. Она была рада тому, что они скоро вернулись в зрительный зал, и спектакль продолжился. Николай придвинулся ближе к Нюре. Её голова сама собой коснулась его плеча, взгляд затуманился, веки отяжелели. «Бедняжка, умаялась на огороде, пусть подремлет», – подумал Николай и плотнее прижался к жене, взяв её руку в свою ладонь...

Анна не просто дремала, она крепко уснула. Ей приснился сон: она – Анна, не контролёр заводского ОТК. Она – королева Франции Анна Австрийская. На ней охотничий костюм, изумительно идущий ей, фетровая шляпа с голубыми перьями, бархатный лиф жемчужно-серого цвета и юбка из голубого атласа, вся расшитая серебром. А самое главное: на левом плече сверкали подвески, схваченные бантом того же цвета, что перья и юбка. При виде этих подвесок её муж – король Людовик тринадцатый, затрепетал от радости, взяв руку Анны, нежно поцеловал. Крик восхищения вырвался из уст стоявших рядом вельмож, и раздались громкие аплодисменты...

Николай коснулся губами тыльной стороны Нюриной ладони и приложил её к своей щеке. Нюра открыла глаза. Зрители, стоя, рукоплескали артистам. Она тоже встала и, с улыбкой

вспоминая свой сон, который был навеян недавно прочитанным романом Александра Дюма «Три мушкетёра», заплотировала.

Артисты, взявшись за руки, из глубины сцены подошли к её краю. Благодарные зрители вручали актёрам цветы. И только молоденькая девушка-артистка оказалась без букетика. Смущённая этим, она первая ушла со сцены. «Жаль, что у нас нет с собой цветов», – сочувствуя девушке, подумала Нюра.

Зрители, вышедшие из театра, заспешили к троллейбусной остановке. Образовалась длинная очередь.

– На двадцать один ноль-ноль всё равно уже не успеем, – сказал Николай, взяв жену под руку, – не будем спешить, поедем электричкой в одиннадцать вечера.

Налюбовавшись вдоволь городской иллюминацией, пропустив три троллейбуса, наконец-то отправились в обратный путь...

– Сорок, сорок одна, сорок две, сорок три, – считала Нюра вслух ступеньки железнодорожного моста. – Уф, наконец, – сказала она, вступая на его платформу, и машинально повернула голову влево, ... – Коля, посмотри, – с недоумением прошептала Нюра, указывая на уходящий электропоезд.

– Не может быть, – взглянув на часы, уверенно ответил Николай.

Пассажиров в вокзале не было.

– Два билета, пожалуйста, – стараясь быть спокойным, попросил Николай, подавая деньги.

– Электропоезд ушёл три минуты назад. Расписание со вчерашнего дня изменилось, – мило ответила белокурая девушка-кассир.

– А следующий когда будет? – с надеждой на чудо спросил мужчина.

– В шесть утра, – ответила девушка и закрыла окошко кассы.

Николай с Нюрой растерянно посмотрели друг на друга.

– Ну, ничего, – как можно бодрее сказал Николай. – Сейчас позвоню знакомому с работы, он живёт здесь недалеко, и мы поедem к нему ночевать.

– Нет, Коля. Беспокоить людей так поздно – это нехорошо. Давай доедем на троллейбусе, пока они ещё ходят, до трассы, а там доберёмся на какой-нибудь попутке...

Звёздное небо, шоссейная дорога, ни одной проходящей машины и две одинокие фигуры, стоявшие друг против друга у обочины дороги.

– Не сердись на меня? – спросил Николай, обнимая жену за талию.

– Нет, не сержусь. Посмотри, какое небо! Когда мы любовались им в последний раз?

– А я помню. Это было ещё до нашей женитьбы. Мы сидели с тобой на скамеечке у дома твоих родителей.

– Да. И ты мне рассказывал сказку про Большую и Малую медведицу... Как да—а—вно это было, – с сожалением произнесла Нюра и склонила свою голову на грудь мужу.

– Было это давно, но люблю я тебя по-прежнему, – прошептал Николай и поцеловал жену в губы так, как целует пылкий влюблённый юноша свою возлюбленную.

Круглый фонарь, висевший на крайнем перед трассой столбе, покачивался, с любопытством поглядывая на припозднившуюся парочку. Яркая луна проложила к их ногам свою дорожку. Два соловушки запели в кустах у обочины дороги. Звёзды Млечного пути то и дело подмигивали друг другу, любуясь земным счастьем мужчины и женщины. Прошло около часа.

Свет машинных фар вдруг заскользил по трассе. Супруги выбежала на середину дороги и радостно замахали поднятыми руками, прося остановки. Колёса зашуршали, старенькая грузовая машина чихнула, из кабины, высунув голову в окно, изумлённо забасил водитель:

– Ёлки-палки! Васильевна! Палыч! А я думаю: что за влюблённые припозднились?

– Андрей! Сами звёзды тебя нам послали, – обрадовалась Нюра, узнав в мужчине заводского водителя, который жил недалеко от их дома.

– Садитесь в кабину. Что вас занесло сюда? – продолжал любопытствовать Андрей, подавая через открытую дверь кабины свою огромную ладонь Николаю для рукопожатия.

– А может мы в кузов? На свежем воздухе привольнее, – широко улыбаясь, спросил Николай.

– Валяйте. Там сенцо есть. Вы такие нарядные – не боитесь испачкаться? И что у вас сегодня?

– Не боимся. День Любви у нас сегодня, – шутил Николай. Помогая жене взобраться наверх, он успел погладить колени, которые пришлось Нюре открыть, приподняв узкую юбку.

– Гм, – с завистью отозвался Андрей. – А я вот до поздней ночи на тещу пахал – картошку сажали...

– Ого, половина третьего ночи, – сказал Николай, заводя будильник, сидя на постели. – Спать очень хочешь? – спросил он, наблюдая, как жена расчёсывает волосы.

– Нет, не очень. Ведь я в театре выспалась. Завтра расскажешь, о чём спектакль? – хихикнула Нюра и уткнулась носом в подмышку мужа...

На следующий день, перед началом рабочего дня, к Николаю Павловичу подошёл начальник цеха Алексей Викторович. Здороваясь за руку, он спросил:

– Ты чего же на спектакле не был? Случилось чего?

– Я-то был с женой, а вот вас никого не было, – с упрёком ответил Николай Павлович.

– И где же вы смотрели спектакль? – полюбопытствовал Алексей Викторович.

– Как где? В областном драматическом театре.

– Ну, ты даёшь, Палыч! – захохотал откровенно начальник цеха. – Билеты у нас были на спектакль, который состоялся во Дворце имени Медведева! Спектаклем-то хоть довольны остались?

– Очень довольны, – радостно улыбаясь, ответил Николай Павлович, вспоминая вчерашние приключения.

Исповедь

Конец апреля предвещал хорошую погоду в мае. Я спешу по подсохшим тропинкам к своей подруге Татьяне. Мне нужна её помощь и совет по поводу предстоящей свадьбы моей дочери.

– Ну что, поздравь меня. Моя дочь, наконец-то, выходит замуж, – сказала я, усаживаясь на уютный диван.

– Мне не нравится твоё выражение «наконец-то». Твоей Наташе всего двадцать пять лет. Нормальный возраст для решения серьёзных вопросов.

– Тебе хорошо говорить: у тебя муж всю жизнь под боком. Ты не знаешь, как я, что такое одиночество.

Татьяна тяжело вздохнула, а потом спросила:

– А когда будут расписываться молодые?

– Одиннадцатого мая, в пятницу.

Подруга помрачнела, с испугом посмотрела на меня и села рядом.

– Ты знаешь, я тоже выходила замуж в пятницу одиннадцатого мая. Это – нехороший день. Ты в приметы веришь?

– Конечно, нет. Подумаешь, число и день, как множество других чисел и дней в году. Лишь бы человек был хороший

– Веришь ты или не веришь, но я тебе всё-таки расскажу свою историю замужества.

Татьяна вздохнула, немного помолчала, скользнула по моему лицу взглядом, точно ещё раз проверяя, можно ли мне доверять. Наконец начала свой рассказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.